

Елена Каракина

Отпечаток его характера

Он прицеливается, иногда тщательно, иногда ковбойски небрежно. Мягкое движение пальца – и раздаётся хруст. Так хрустит снег под ногами морозным утром. Или свежий хлеб с твердой, будто лакированной корочкой, когда отламываешь еще теплую горбушку. Так хрустит бумага вождленного подарка, когда рвешь аккуратный глянцевый пакет, чтобы добраться до сердцевины. Так хрустит затвор фотоаппарата.

Вначале хруст был тише, скромней, воспитанней. ФЭД или «Зоркий» издавали простой щелчок. Когда снимал. Но когда взводил затвор фотоаппарата, раздавался все тот же хруст. Как будто взводил затвор оружия – пистолета, револьвера, нагана. Недаром в английском языке «стрелять» и «фотографировать» обозначается одним и тем же словом. Зато результаты разные. Объект фотоохоты не только остается в живых, но его портрет теоретически обречен на бессмертие. Фотографы по природе своей гуманисты. Да-а-а? Неужто?

Чашка кофе

Хиромантия

К свету

Вспомните ваши неузнаваемые физиономии в фото на документах. Это от равнодушия к натуре. Или доброхотские любительские, где перекошенное лицо украшено полуоткрытым ртом и полузакрытыми глазами. Это от неумения. Но всегда ли добр к объекту профессионал?

Фотограф, о котором идет речь, профессионал высшей пробы. В профессии больше полувека, начинал еще в детстве. Одна из его многочисленных фишек, его визитных карточек – редкий жанр: фотошарж. В этом жанре Юрий Бойко съел даже не собаку, а целую собачью упряжку вместе с упряжью. Он умеет фотографировать смешно. Как в комнате-аттракционе кривых зеркал. Люди выходят оттуда хохоча. Удалось взглянуть на себя разного и посмеяться над собой. За Юрой числятся сотни насмешливых фото. И что любопытно – ни одного обиженного. Смех не злобный. Баловство, шалость. Но Бойко удается не только шалость.

Почерк Юрия Владимировича легко узнаваем в самых разных жанрах фотографии. Тем и отличается мастер от любителя – его работы имеют

незримую подпись, отпечаток его характера, его взгляда, его точки зрения. Будь то портрет, натюрморт, репортаж, уличная зарисовка. Бойко далеко не всегда ироничен, но всегда остр. Как скальпель хирурга. Не безразличен. Всегда точен. Схватывает композицию – целиком и в деталях. Видит высокое и смешное. Знает, как именно следует напечатать. Глянцевая бумага или матовая, перевод в графику или в мягкий, туманно расплывчатый романтический флер, тонировка или резкость линий. Да, теперь и фотешопом. А раньше все руками, только руками. И заодно великолепной взвешенностью, рациональностью, но смягченной сентиментом, радостью бытия.

Его кредо – подойти к объекту с неожиданной стороны. Вы знали, что ломтики лимона похожи на старинный велосипед с разными колесами? Что стулья бывают очень-очень одиноки? Что один лист похож на целый облетевший лес? Что совокупляющиеся мухи сродни матросам на вантах? Что микромир легко превращается в макромир, если чуть поменять

угол зрения? Взгляните на фотографии Юры, и вы поймете, что это так. Можно ли в портрете передать тютчевский «угрюмый,

Рама

Тень музыканта

После праздника

тусклый огонь желанья»? О, да! В портретах Юрия Владимировича волшебным образом переданы не только черты того, кого он снимает, но и характер, но и состояние души. Будто снимает не фото-, а рентген-аппаратом. И неважно, снимки ли артистов (Юра много и плодотворно работал в театре), кумиров отечественного рока (включая всю «Машину времени», Бориса Гребенщикова, Виктора Цоя, Жанну Агузарову), друзей-фотографов, прекрасных дам и девиц и просто первых встречных – в каждом портрете выделен характер, даже больше – принадлежность к профессии. Много лет Юра был портретистом Михаила Михайловича Жванецкого, который ценил в Бойко не только фотографа.

И фото свадеб – куда же без них фотографу? Пышные и смешные, гламурные и откровенно купеческие, свадьбы семидесятых, восьмидесятых, девяностых и нулевых, со всеми их сходствами и отличиями, великолепные срезы времени, тщеславия, пошлости, банальности и в то же время некоторой нежности и участия.

Трамвай в светлое будущее

Головокружительным калейдоскопом снимков Юрия Бойко можно было восхититься на его выставке во Всемирном клубе одесситов. Выставка была создана и открыта аккурат ко 2 сентября, ко дню рождения Одессы. Стоит ли говорить, что за годы работы в фотографии, фотографике, фотоживописи у Юры – десятки выставок, если не сотни. Индивидуальные выставки, выставки фотоклубов, отчетные одесского Союза фотохудожников, выставки дуэтом с коллегой и другом Георгием Исаевым. Грандиозная выставка-акция «Двор, дворяне дворники», посвященная одесским дворам, придуманная и созданная Георгием Исаевым, была бы неполна без Юриных портретов и жанра 1970-80-х годов. «Портрет одесситки» – без серии портретов Георгия Исаева (больше сорока), созданных Юрием Бойко. И какая же «Еврейская Одесса в Берлине» обошлась бы без острого глаза и верной руки Юрия Владимировича? Пусть Михаил Векслер как-то и написал Юре: «С таким антисемитским носом твое еврейство под вопросом». Жаль, что эта эпиграмма осталась без ответа, потому

что Бойко успешен и в области ернического, иронического стиха. Один из его поэтических сборников должен был так и называться, «Бедный ёрник», потом, правда, получил название «Опять я временно богат». Для вящей простоты. Оттуда эти строки:

Старый, затухающий вулкан,
Конь, не выносящий ипподрома,
С легкою шопенинкой канкан,
Молния, но без раскатов грома.

Упс

Стихи Бойко сродни его фотоработам, фотографии – поэтическим экзерсисам. Ему свойственна органичность во всем, за что он берется, – будь то фотография, стихи и даже кулинария. Готовит он изумительно и вдохновенно, а фотографирует еду так, что слюнки текут даже у пресыщенных. Хотя шашлыку не скажешь: «Улыбочка!» – а блюду с ломтями арбуза – «Скажи изюм». Зато можно выставить свет, прицелиться – и раздастся, нет, не выстрел – вкусный хруст. И картинка станет еще одной визитной карточкой фотографа, фотохудожника Юрия Бойко.

